
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЦАРСТВОВАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ. 1748 год

Распоряжения относительно войны. Финансовые меры. - Новый характер консульства в Персии. - Страшные пожары. - Состояние полиции. - Разбои. - Сельское народонаселение. - Коллегии. - Иностранная коллегия; отношения между ее членами. - Падение Лестока. - Сношения с Англиею, Австриею, Саксониею, Польшею, Швециею, Франциею. - Отъезд императрицы в Москву.

Россия приняла участие в войне, войска ее двинулись на помощь морским державам; при этом имелось целью прекратить европейскую войну, но считалось возможным и обратное действие, что война вспыхнет с новою силою, что нужно будет переведываться с опасным соседом, прусским королем. Нужно было приготовиться, и в тот же день, когда подписан был указ Военной коллегии об отправлении тридцатитысячного корпуса на помощь морским державам, 4 декабря 1747 года поднесен был императрице для подписания указ Сенату по поводу записки, составленной со слов генерала Апраксина, в которой указывалось на затруднение и медленность со стороны Сената во время последней шведской войны. В указе говорилось, чтоб впредь в Сенате по представлениям Военной и Адмиралтейской коллегий давались немедленно резолюции, не отлагая изо дня в день, как некоторым образом доньше происходило; чтоб Сенат в таких делах не делал никаких затруднений и излишних запросов и, кроме того, что от этих двух коллегий будет представлено, более ни в какие до них касающиеся дела не вступался. Елисавета, читая указ, велела зачеркнуть слова "как то некоторым образом доньше происходило" и написать именно: чтоб впредь не так поступали, как в минувшую шведскую войну происходило, и что Сенату всегда надлежит об отечестве своем ревностное попечение иметь и о таких делах, в чем государственная нужда есть, с верным радением поступать, дабы никакого упущения и вреда не произошло.

Затруднения оказались и не по вине Сената. Назначен был рекрутский набор со 121 души; по последней ревизии, оказалось 6580715 душ, подлежащих рекрутской повинности, а за исключением 433325 содержащих ландмилицию однодворцев - 6147390 душ, с которого числа надлежало взять рекрут 50804 человека, но, по присланным в комиссариат ведомостям из губернских и воеводских канцелярий, выходило другое число жителей обязанных рекрутскою повинностью, именно 6122185 душ; в Шацкой провинции, например, от ревизора было показано 121359 человек, а от провинциальной канцелярии - 182041. После неоднократных требований Камер-коллегия прислала ведомости о приходе и расходе 1742

года, спрашивая: ведомости других городов в такой же ли точно форме приказано будет оканчивать?

В Сенате рассмотрели эту ведомость, сравнили с присланною в 1743 году о сборе и расходе того же, 1742 года и нашли значительное несходство, а как оно явилось, неизвестно: 1) в прежних табелях показано остаточных от 1741 года, кроме остзейских губерний, 832700 рублей, червонных - 12, ефимков счетом 3683, весом три пуда тридцать девять фунтов четыре золотника три четверти, песцов шесть, а по вновь присланным ведомостям, того же остатка написано 620606 рублей; червонных - 11, ефимков весом 14 пуд. 23 фунта 45 золотников да счетом 23, разница - 212093 рубля, червонных один, а ефимков больше 10 пудов 24 фунтов 41 золотника. 2) Окладным сборам написан оклад 2217075 рублей, а по новой ведомости - 2263877 рублей, разница - 46802 рубля. 3) Окладных написано в сборе 1864483 рубля, а по новой ведомости - 1874542 рубля, в приходе, следовательно, показано больше 10059 рублей. 4) По прежней ведомости, написано неокладных в приходе 1242601 рубль, ефимков - 82 пуда 27 фунтов 88 $\frac{3}{4}$ золотника, а по новой ведомости - 1302408 рублей, ефимков 89 пудов 34 фунта 69 золотников да счетом два ефимка, в приходе показано больше 59807 рублей весом больше на 7 пудов 6 фунтов $\frac{1}{4}$ золотника да счетом 2 ефимка. 5) В первой ведомости показано в расходе 2430343 рубля, а в новой написано 3252601 рубль, ефимков 99 пудов 16 фунтов 70 золотников, червонных - 11, в расходе, следовательно, показано больше на 822258 рублей, кроме того, ефимки и червонцы. 6) В прежней ведомости показано в остатке от 742 на 743 год 1509441 рубль, червонных 12, ефимков 6 пудов 29 фунтов $\frac{92}{3}$ золотника да шесть песцов, а по новой - 545137 рублей, ефимков 2 пуда 27 фунтов 94 золотника да счетом 25. Кроме того, один сбор в два месяца разнесен; сборы, идущие в другие места, написаны вместе с доходами Камер-коллегии, например доходы синодального ведомства, также с государственных крестьян четырехгривенные и с купечества подушные, которые отсылаются в комиссариат.

В доход прибавили субсидии от морских держав; насчет их было сделано распоряжение: так как отправленные в службу морских держав войска будут содержаться на их иждивении и жалованье им будет выдаваться из субсидий, то деньги, которые будут оставаться в воинской казне вследствие отсутствия этих расходов, также деньги, которые останутся от субсидий, отдать в коллегию Иностранных дел для сбережения их налицо, чтоб в готовности были к нужному случаю, если понадобится, войско умножить и на другие нужнейшие воинские расходы употребить.

Но в нужном случае нельзя было надеяться на одни субсидии; надобно было приготавливать другие средства, которые находить было очень трудно. В июне Сенат имел рассуждение, что многие разные присутственные места считают друг на друге многие и неоплатные долги и долгое время не платят; поэтому приказал из всех присутственных мест в

Сенат подать ведомости, сколько какое место кому должно на нынешний 1748 год и для чего тот долг не в платеже. Штатс-контора объявила, что она имеет долг на Главной полицмейстерской канцелярии с 732 года 80140 рублей, на Сибирском приказе с 731 года - 261660 рублей, на Соляной конторе с 727 года - 676326 рублей, всего - 1018127 рублей. Тогда же президент Штатс-конторы Шипов доложил, что прислан из Сената указ об отпуске в Швецию на минувшие три срока 150000 рублей, но Штатс-конторе отпустить такой суммы не из чего; по именным указам за неимением денежной казны исполнения еще не учинено; по именным указам надлежит отпустить 99572 рубля, да за прошлые годы и настоящий 1748-й на январскую и майскую трети в определенные расходы Штатс-контора заплатить должна 3234440 рублей, а с вышеозначенными это составит 3334013 рублей, а губернии высылкою денег всеконечно безнадежны, у них и на тамошние расходы недостает. Сенат приказал в Штатс-контору послать указ: требуемую сумму отпустить в Иностранную коллегия в самой скорости и не имея никаких отговорок. Это было в июле, а в сентябре Штатс-контора прислала доклад: по именным указам Штатс-конторе надобно отпустить теперь денежной казны: для взносу в комнату их высочеств на будущую сентябрьскую треть - 26666 рублей 66 1/2 копейки, которые велено отпускать в начале каждой трети. На дачу лейб-компани на эту майскую треть жалованья 28221 рубль 19 1/2 коп., которые велено отпускать по прошествии трети, не продолжая более недели; в Камерцалмейстерскую контору на дачу придворным на майскую треть - 47305 рублей 29 1/2 коп., что велено отпускать по прошествии трети, не продолжая более трех дней; да сверх того, обретающимся в Петербурге министрам, сенаторам и всем служащим на майскую треть - 47806 рублей 84 1/2 коп., итого - 150000 рублей, а в петербургской рентерее денежной казны ничего нет; не повелено ли будет 150000 отпустить из Монетной канцелярии под образом займа? Сенат согласился. 1 декабря опять доклад той же Штатс-конторы, что в петербургской рентерее денег нет, а нужно платить в комнату их высочеств, и лейб-компани, и придворным, и всем служащим в Петербурге. Сенат приказал: Монетной канцелярии из капитальных денег в Штатс-контору под образом займа отпустить 200000 рублей немедленно, а возвратить из присылаемых в Штатс-контору для передела на Монетный двор ефимков и серебра первых присылок.

Обратили внимание на уменьшение сборов на Макарьевской ярмарке и решили поручить надзор над верными сборщиками губернатору или определить знатную особу, ибо когда ярмарка была под смотрением губернии, то в сборе было до 34000 рублей, а при нарочно определенных с 1744 года сбор уменьшился от 27 до 18000. Оказалось: за январскую треть в питейной продаже недобор на 20687 рублей. Сенат приказал: Камер-конторе подтвердить, чтоб она за определенными выборными ларешными и прочими сборщиками крайнее и неусыпное смотрение имела и подтвердила, чтоб в нынешней майской и в будущей сентябрьской третях против сборов прошлых лет собрано было не только с пополнением, но

чтоб и происшедший в январской трети недобор заменен был, под опасением взыскания этих недоборов на сборщиках. Другая важная доходная статья, соль, по-прежнему не давала покоя.

В самом начале года Соляная контора уже представила, что у Строгановых к надлежащей выварке соли никакой надежды нет, недоваривают и против 1746 года, когда они целого миллиона пудов не выварили. Последовало обычное решение: послать указ с крайним подтверждением. В марте барон Александр Строганов явился с просьбою, чтоб ему с братьями выдано было заимообразно 30000 рублей; Сенат согласился. Но и это не помогло: в половине года Сенат убедился, что Строгановым нельзя вести дела по-прежнему при возвышении цен, и решил доложить императрице, не соизволит ли, чтоб Строгановы отправляли соль за свидетельством от Соляной конторы, сколько лишнего в известном месте и в известное время заплачено ими будет сверх прежнего положения, и этот лишек доплачивать им из казны, которая потом выручит свое возвышением продажной цены. Но Строгановы объявили, что и эта приплата, которой надобно еще дожидаться, не покроеет их убытков. Тогда Сенат решил представить императрице, чтоб снять с Зырянских промыслов Строгановых оброк во 100000 пудов соли, пусть ставят они и эту соль, только за деньги.

Сальные промыслы (рыбные) у Архангельска и Колы, находившиеся в описываемое время в казенном содержании, отданы были на 20 лет графу Петру Шувалову с единовременною выдачею из казны 6000 рублей и на условиях, на каких прежде содержал эти промыслы купец Евреинов, плативший только настоящие пошрины. Смола продана была от казны английским купцам по одному полновесному ефимку и по II/2 копейки за осьмипудовую бочку.

Относительно внешней торговли замечательно было распоряжение насчет консульства в Персии. На место бывшего там консулом Бакунина Сенат велел Коммерц-коллегии вместе с Главным магистратом выбрать из московского купечества достойного человека. Гл. магистрат поручил выбор знатым московским купцам Роману Журавлеву с товарищи, и они выбрали московского же купца Ивана Данилова, потому что он "пред прочими достаточнее комерцию знающ". Коммерц-коллегия объявила согласие на выбор, и Сенат утвердил с жалованьем по 2000 рублей в год персидскою монетою, но жалованье это должно было производиться сбором с купцов по рассмотрению Гл. магистрата, ибо этот консул отправлялся теперь не от коллегии Иностранных дел, но от купечества, для их купеческой пользы, для защиты приказчиков и проч. Относительно внутренней торговли Сенат был уведомлен, что в настоящем году из едущих через Боровицкие пороги судов 300 было разбито, тогда как по репортам, присланным в Сенат, показано с 17 апреля по 1 июня только 36 разбитых судов, а с 1 июня нет донесений, и потому Сенат приказал потребовать обстоятельных донесений.

Страшный вред городам в описываемом году был нанесен пожарами. В Москве 10 мая во 2-м часу пополудни загорелось в Белом городе между Ильинскими и Никольскими воротами в доме княжны Куракиной, загорелось от кузницы; сильный ветер перебросил огонь к Златоустову монастырю и к церкви Всех Святых на Кулишках, отсюда к Яузским воротам, на Яузский мост, от которого огонь пошел налево по Николаямской улице и Алексеевской слободе вплоть до Андроньева монастыря, который был истреблен, чем пожар на этой стороне и кончился; но с другой стороны от церкви Всех Святых огонь пошел к городской стене и, перекинувшись через городовую стену, пошел до церкви Ильи Пророка на Воронцовом поле, потом по Покровской улице. Пожар прекратился в 1-м часу полночи. Сгорело 96 человек, 1202 дома, обгорело 25 церквей, 15-го числа за Яузою в Гончарах сгорело 25 дворов. 23 мая опять большой пожар в Москве, в селе Покровском (теперь улица) и Новонемецкой слободе сгорело 196 дворов. На другой день пожар в противоположном конце города, на Стоженке и Пречистенке, сгорели три церкви и 72 дома. 25 мая погорела Покровка и пламя перекинулось за Земляной вал в Басманную слободу и на Красные ворота, сгорело 62 дома, Триумфальные ворота, комедиальный дом, находившийся между Красными воротами и церковью Петра и Павла в Новой Басманной. Указали на зажигателей, но когда чиновники приехали для сыску оговоренных, то в двух местах, у Новинского монастыря и в селе Покровском, они были встречены жителями, которые бросились их бить. Пожары не ограничились Москвою: в тот день, когда был самый большой московский пожар, 10 мая погорел Воронеж, истреблен 681 дом, осталась соборная Благовещенская церковь, архиерейский дом, две приходские церкви да весьма малое число обывательских дворов. 24 мая в Глухове сгорело 275 домов, в том числе школ *ишпиталей* (госпиталей) - 15. 19 июня Главный магистрат объявил Сенату, что в Можайске погорели без остатка 94 лавки и 35 домов, отчего купечество разорилось и уплатить подушных денег не в состоянии. 17 июня был большой пожар во Мценске, сгорело 205 домов, и воеводская канцелярия объявила, что он был делом злодеев: подле воеводской квартиры зажигали разные дворы, только тушили, а при третьем поджоге найден в соломе с пухом и в хлопьях зажженный трут, отчего жители перепугались и с пожитками вывезлись на поля и на берега реки. Кроме того, в Ярославле сгорело 140 дворов, в Бахмуте - 150, в Орле - 16, Сапожке - 122, Михайлове - 385, Рыльске - 11, Костроме - 26, Севске - 57, Нижнем - 10; Переяславль Южный и Венден выгорели все; в Болхове сгорело 1500 дворов. В Петербурге приняли предосторожности: пикеты из гвардейских полков стояли на площадях и на улицах; в Москву был отправлен генерал Федор Ушаков, который должен был председательствовать в особой комиссии для исследования о причинах пожаров; гвардейские офицеры разосланы были для того же и по другим городам.

Найдено было, что полицейские команды действовали очень плохо, и вообще, как мы уже видели, положение полиции было очень печально.

Главная полицмейстерская канцелярия объявила Сенату, что в Киеве на Подоле в рядах чистоты никакой нет, потому что скот бьют в рядах, а не в *бойницах*, и мясо продают к пище негодное, и от нечистоты в рядах смрадный воздух, да и рогаток нет, и хотя от полиции запрещение и принуждение сделаны относительно чистоты, однако по причине малой команды не исполняют, магистрат не помогает и рогаток до сих пор не делает. В Нижнем Новгороде ямщики по приказанию ямского управителя Кучинского рогаточных караулов не содержат и полицейской должности не исправляют; оттого в самонужнейших местах семь рогаток запустело и происходит немалое воровство. Архангельский магистрат сотских и десятских из купечества для полицейской должности не присылает, не присылает и ведомостей о съестных припасах для смотра, чтоб цен не возвышали. Сверх того, из многих полицейских контор представляют сильные жалобы на магистраты, которые в должности полицейского правления сами вступают, а учиненным полициям препятствуют.

Препятствия эти иногда заключались в следующем: упомянутый ямской управитель в Нижнем прапорщик Кучинский, собравшись с ямщиками, бил дубьем определенного к исправлению полицейской должности квартермистра Баранщикова, держал двое суток в цепи и водил по улицам, чтоб в ямские дворы не ставил постоя. В 1747 году Сенат велел губернской канцелярии исследовать о своевольствах ямщиков, но ничего не было сделано. После этого уже когда несколько ямщиков взято было в полицию за нехождение в рогаточный караул, то Кучинский и ямской староста Долинин пришли в полицию с ямщиками человек со сто, схватили полицмейстерского служителя и, вытаща за волосы на двор, пробили голову, причем Кучинский и Долинин кричали: если вперед на караул будут наряжать, то быть великой беде! Полиция жаловалась в губернскую канцелярию, но та ничего не сделала. Кучинский и Долинин не допустили печатать печи у ямщиков, Долинин вытолкнул сотника, пришедшего за этим. Губернская канцелярия с своей стороны доносила, что 20 июня у ямщика случился пожар и погорело 10 дворов, вероятно от несмотрения нижегородского полицмейстера Метревелева и особенно ямского управителя Кучинского, между которыми большое несогласие, ибо полицмейстер жалуется на Кучинского, а Кучинский показывает, что он у ямщиков печи печатает сам только позволяет топить в указные дни надворные печи, а на рогаточные караулы ямщикам ходить не приказал, потому что по указу из Ямской канцелярии ямщикам ходить на эти караулы не велено. Губернская канцелярия о сохранности города полицмейстеру беспрестанно подтверждает, но он, видя, что состоит в ведомстве Главной полицмейстерской канцелярии, приказаниями губернской канцелярии пренебрегает; то же самое делает и ямской управитель. Из других городов такие же жалобы: в полицмейстерской инструкции велено смотреть, чтоб строения не выдавались в улицу и оставляли проезд не менее пяти сажен, но в Воронеже ямщик в торговую площадь прибавил двора своего и выставил городьбу на 10 сажен. Полицейстер городьбу сломал, но ямщик опять загородил, а при ломании

ямской управитель Сиверцев приказал ямщикам бить до смерти посланных от полицмейстерской конторы солдат и десятских, отчего ямщики и прочие обыватели пришли в бесстрашие и полиции не слушаются. Тут же полицмейстерская контора доносила, что в Воронеже архитектора нет. Главная полицмейстерская канцелярия доносила, что в Москве после пожара 1737 года стоят ветхие каменные строения, которые вместо украшения такого знатного города дают дурной вид, и в них может быть пристанище вора и другим непотребным людям; сверх того, находится в них множество помету и всякого скаредства, отчего соседям и проезжающим людям, особенно в летнее время, может быть повреждение здоровью, и хотя полиция неоднократно понуждала обывателей достраивать их, однако не достраивают и трудно надеяться, чтоб скоро достроили, а потому главная полиция думает, что надобно положить срок - полгода, по истечении которого отдавать это строение другим желающим. Сенат приказал: принуждать достраивать, кроме тех, которые в армии или других отдаленных местах. Кто объявит, что достраивать не в состоянии, таким велеть продавать охочим людям за вольную цену, обязывая их в том подписками, а желающим из выстройки этих домов отдавать не следует, ибо от такой отдачи домовладельцам последует крайняя обида; также и полугодичный срок невозможен по короткости его. Главная полиция предлагала в Москве на Тверской-Ямской для большей красоты, так как это первая улица для приезжающих из Петербурга, насадить березки, как на Невском проспекте. Сенат и на это не согласился, так как слобода за Земляным городом; к тому же в ней бывает великая грязь и многих разных чинов людей приезды, от которых деревьям всегда может происходить повреждение, особенно от скота, ямщики принуждены будут беспрестанно новые деревья садить, отчего будут терпеть напрасный убыток.

Против пожаров известна была самая действительная мера: замена деревянных строений каменными. По просьбе петербургского купечества императрица приказала вместо деревянного гостиного двора строить купцам на свой счет каменный в один *апартамент* на каменных погребках с наружными и внутренними галереями, покрыть черепицею или железом, полы наместить камнем или кирпичом. Оброчные деньги брать с лавок и погребов по 75 коп. с погонной сажени. Труднее было придумать средства для улучшения личного состава полиции. Полиция жаловалась на магистраты, а Главный магистрат доносил Сенату, что присутствующий в московской полиции советник Воейков обижает и берет взятки с московского купечества, купца Тимофеева бил плетьюми, отчего тот чрез двое суток умер. Синбирский воевода Колударов доносил, что худые поступки управителя полицмейстерских дел Обухова "преодолели общенародную терпеливость".

При описанном печальном состоянии общественной охраны случилось, что разбойники приехали в Одоев, взяли из тюрьмы четверых колодников и благополучно уехали. Воры и разбойники в калужской провинциальной канцелярии показывали, что они пограбленные вещи отвозят за польскую

границу на Ветку, а форпост на границе объезжают лесами; также приезжали в Калугу и живали у многих посадских людей в домах недели по две и больше без паспортов, причем домохозяева знали, что за люди их жильцы. Полицмейстер поручик Волков ни за чем не смотрит, в надлежащих местах караулов и рогаток нет. Прислано для поимки воров 20 солдат пеших, но надобны конные. Села Грибцова крестьяне, собравшись многолюдством, напали на дом ротмистра Дурнова в Калужском уезде, в сельце Незамаеве, мать его мучительно били, деньги и пожитки побрали, потом пришли в другой раз, мать его закололи ножами и дом зажгли. Люди и крестьяне Дурнова нашли в Калуге разбойничью партию, троих схватили и привели в калужскую провинциальную канцелярию, но воевода отпустил их. Олонецкая провинциальная канцелярия доносила о появившихся в Олонецком уезде двух воровских партиях и большом числе беглых из службы людей и крестьян, а для поимки злодеев посылать некого. Порховская воеводская канцелярия писала, что для сыску воров и разбойников сыщика и команды никакой нет и беспрестанно из запольского рубежа выходят беглые солдаты, матросы, рекруты, беглые крестьяне и имеют пристани у помещичьих крестьян. Несколько церквей пограблено без остатку, а у жителей крадут лошадей. В Новгородском уезде в разных местах, особенно по московской дороге и близ нее, появились воры и разбойники. Епископ сарский и подонский (крутицкий) жаловался Синоду, что Белевского уезда вотчины капитана Левшина управитель Семенов, да села Троицкого приказчик Павлов, да староста Кириллов с 30 человеками крестьян пришли в церковь села Троицкого с ружьями, дубьем и цепями, выбили северные двери и выстрелили в алтаре, священника из алтаря выволокли, ризы на нем изодрали, на престоле и жертвеннике одежды подрали, прочие ризы, которые висели в алтаре, стаца, топтали ногами и измарали все без остатку; священника отволокли на помещичий двор и, разложив среди двора, били кнутом, а управитель бил дубиною мучительно, так что священник едва жив.

Относительно быта крестьян заметим следующие распоряжения и случаи. Граф Петр Шувалов словесно предложил Сенату, что во многих городах и уездах, на заводах и Торжках при покупке у крестьян хлеба употребляют хлебные меры, в которых сверх указной осмичетвериковой меры больше от четверика до осмины, а деньги платят за четверть и от таких неровных мер крестьяне несут немалую обиду: поэтому не соизволит ли Сенат подтвердить указом во всех местах иметь хлебные меры ровные и заклеянные, чтоб в четверти было восемь четвериков. Сенат согласился. В ближних к Дону местах крестьяне не отвыкали от бегства: ряжская воеводская канцелярия донесла, что из разных помещиковых вотчин людей и крестьян бежало человек 270 с женами, детьми и пожитками; некоторые пойманы и показали, что бегут на житье в козацьи городки. Бегство крестьян - явление очень для нас знакомое, но в описываемом году случилось бегство особого рода: бежал воевода Чернской провинции Ляпунов, с ним бежали с приписью подьячий и канцелярист, не сдавши никаких дел определенному на его место воеводою майору Хитрову.

Мы видели, что в высших учреждениях, коллегиях прокуроры указывали на неправильность действий членов, но в описываемое время президент Камер-коллегии Кисловский донес Сенату, что он не согласен с мнением вице-президента и членов, с общим определением членов Камер-коллегии и Главного магистрата, ибо видит упущение интересов ее имп. величества и явную потачку вора, утаителям товаров от пошлин чрез наглый разбойнический проезд в пограничную брянскую заставу. Он записал в протокол особливые свои мнения, но эти мнения присутствующими уничтожены; прокурор Философов не обратил на них внимания, и исполнено по голосам вице-президента и членов.

Любопытное явление в конце года произошло в коллегии Иностранных дел. 8 декабря канцлер призвал к себе в дом тайного советника Веселовского да обер-секретаря Пуговишников, показал им присыпанные к нему от времени до времени из коллегии экстракты из министерских реляций, которых накопилось очень много и по которым резолюции требуются, и начал говорить: "Удивляюсь, для чего в коллегии о таких делах, между которыми есть и нужные, господа члены по должности своей старания не прилагают, ибо известно им, что по силе регламента в делах мнения свои членам наперед с нижних голосов президенту предлагать надобно".

"Я, - отвечал Веселовский, - как и другие члены в коллегии, всегдашнее сидение имеем и по возможности своей в делах упражняемся, и которые дела предложены были нам к решению, как старые, так и новые, по тем всем недавно мы, сколько ума нашего было, рассуждение свое дали". *Канцлер*: "Однако мне весьма мало таких дел видно было, которые бы по вашим рассуждениям изготовлены были, и мне неизвестно, что некоторые дела по полугоду и больше в коллегии без резолюции лежали, хотя вы, господа члены, все входящие в коллегию дела один за другим вкруговую читаете, но о резолюциях притом ничего не помышляете. Если вы думаете, чтоб я сам наперед на всякое дело свои рассуждения давал, то это не моя должность, да мне и не растянуться стать во всех делах одному, ибо для меня довольно исправлять такие нужнейшие дела, которые времени не терпят и о которых без замедления ее импер. величеству докладывать надобно. *Веселовский*: Мне не известно, какие бы дела так долго без резолюции в коллегии лежали, разве которых я не видал. *Канцлер*: И такие дела, которые я уже сам, хотя и сверх должности своей, чтоб не потерять времени, к высочайшей апробации у себя дома сочинял и в коллегию на рассмотрение посылал, долговременно безо всякого действия лежали, между ними поданный со стороны саксонского двора ответ на сделанное ему призывание приступить к союзному договору с венским двором с полгода в коллегии лежал; я, видя, что ничего об нем не помышляется, сочинил у себя ответ и на рассмотрение в коллегию отослал, но и после того он три месяца в молчании пролежал. *Веселовский*: Я и другие члены этот ответ саксонскому двору читали, а зачем он потом в коллегии пролежал, мне не известно. *Канцлер*: Если б вы, прочтя, свое

мнение объявили, так ли тому быть или что в нем переменить надобно, то следовало бы вам мне о том знать дать, но этого не сделано; с таким же молчанием и во всех других делах происходит; но когда от меня для напаятования о каких-нибудь делах записки в коллегии присылаются, то, как слышно, на меня же нарекают и такие записки указами моими называются. Принужден я был вас нарочно теперь к себе позвать и персонально напаятовать, чтоб о делах в коллегии лучшее старание приложено было. *Веселовский*: Я со своей стороны в делах столько тружусь, сколько сил и ума у меня есть, а если в чем ума недостает, то где же мне его взять? Я бы рад его купить или в кузнице сковать, ежели бы возможно было. *Канцлер*: Вам самим известно, что покойный Бреверн не хуже вас, но также тайным советником и кавалером да и конференц-министром был, однако он всякие дела на апробацию канцлерову всегда своеручно сочинял; а от вас не только какого сочинения, но с начала сидения вашего в коллегии до сих пор еще не видно было, чтобы вы когда-либо одно слово для поправления в делах своею рукою написали, кроме подписания своего имени в готовых делах; а товарищ ваш, тайный советник Юрьев, хотя и в крайней старости находится, однако часто случается, что он своею рукою в сочиненных делах поправки делает. *Веселовский*: Если б у меня силы и лета такие же были, как у Бреверна, то и я также бы мог трудиться. *Канцлер*: Когда за старостью не можете в сочинениях дел себя употреблять, то и не требуется от вас, однако что принадлежит к рассмотрению и решению дел в коллегии, то вам, как и другим членам, можно входящие дела хотя каждому про себя читать или всем вдруг слушать и, не откладывая вдаль, тогда же рассуждать и самим кратко записать или секретарю приказать, что по оным исполнить надлежит, особливо ж по реляциям министерским рассматривая, какие наставления им подать надобно, и такие свои рассуждения написав, ежели вице-канцлер не присутствовал, то ему, а потом и канцлеру показывать, что и с регламентом согласно будет. *Веселовский*: Ежели бы давно таким образом сказано, то и б поступали по тому; но случаются такие важные дела, о которых лучше при собрании всей коллегии советовать. *Канцлер*: Хотя и при собрании всей коллегии, однако мнения по делам наперед с нижних голосов подавать надлежит; а впрочем, вам самим небезызвестно, что я прежде часто в коллегии приезжал, но никакой пользы в делах от того не видал, ибо вы, господа члены, в таких моих присутствиях только и делали, что один за другим вкруговую читали, а никакого предложения или рассуждения не чинили; а когда я, видя ваше всегдашнее молчание, хотя мне этого и не следовало и наперед ваши мнения слышать надлежало, о некоторых делах свои мнения предлагал, в таких случаях одни только критические рассуждения от вас слышал, а как бы иначе, по вашему мнению, дело окончить надлежало, того никогда от вас добиться не мог; наскучивши такими бесплодными сидениями в коллегии и жалея о времени, что напрасно в том проходило бы, я и приезжать в коллегии перестал, потому что я гораздо больше у себя дома, нежели сидя в коллегии, нужнейших; дел исправлять могу".

Этот любопытный разговор вскрывает нам ход дел в Иностранной коллегии. Президент ее, канцлер, не ездит в коллегия, нужнейшие дела исправляет у себя дома, а между тем слышит, что его упрекают в деспотизме, в присылании указов членам коллегии; он призывает к себе Веселовского и оправдывается в своем поведении, складывая вину на него, на то, что не находит помощи в коллегии, жалуется, что там ведут дела не так, не по регламенту, а между тем сам признается, что приучил вести дела неправильно, делал чего не следует, предлагал свое мнение, не собирая голоса с младших. Веселовский наивно и грубо отвечает: давно бы сказал, что надобно поступать по регламенту, так бы и поступали. Бестужеву особенно чувствительны были нарекания на его поведение в коллегии потому, что вице-президентом ее был Воронцов, его враг. Бестужев удалил из коллегии воронцовского клиента Неплюева, пославши его в Константинополь, но теперь получались известия, что и Веселовский, выведенный Бестужевым по старым приятельским отношениям, перешел на сторону Воронцова.

О поведении врагов канцлера, Воронцова и Лестока, мы продолжаем узнавать из депеш Финкенштейна. Воронцов уверял Финкенштейна, что прусскому королю нечего опасаться ни от последнего заключенного Россией трактата, ни от похода тридцатитысячного русского корпуса. "Я, - доносил Финкенштейн своему королю, - имевши много случаев находить сообщаемые им известия справедливыми и хвалиться добрым его расположением к интересам вашего величества, я не могу думать, чтоб он меня в этом случае хотел обмануть. Он, правда, боязлив, но эта боязливость заставляет его скрывать от меня некоторые подробности только, и я никак не думаю, чтобы он захотел представить мне не то, что на самом деле". Но кроме Воронцова, приятеля важного, у Финкенштейна был еще приятель неустрашимый - Лесток. Этот объявлял ему о всеобщем неудовольствии, которое возбуждено походом тридцатитысячного корпуса за границу. "Боюсь одного, - говорил Лесток, - чтоб канцлер нарочно не замедлил походом с целью не допустить войско прийти вовремя и вступить в дело с неприятелем, потому что если случится противное дело дойдет до битвы, то можно биться об заклад, что русские потерпят неудачу: прежняя дисциплина исчезла и командующий генерал Ливен не любим войском; поражение войска составляет теперь желание всех благонамеренных генералов; многие из них говорили мне, что нет другого средства заставить императрицу открыть глаза насчет канцлера; если дела пойдут хорошо, то нечего и думать о перемене; надобно получить пощечину, и тогда нетрудно будет свергнуть канцлера". По поводу этой депеши Бестужев заметил: "Такою изменническою о войсках ее импер. величества хулою король прусский столько ободрится, что с ее величеством равняться думает, вместо того что дед и отец его и зависимости государя Петра Великого были. Совсем ложь: генерала Ливена не только солдаты, но и офицеры все любят и почитают. А как долго сии изменники не искоренятся, то и помышлять нечего, чтоб они к присяжной своей должности обратились,

ибо злость их и ненависть на канцлера не допускает их чувствовать, что они, желая его погубить, вредят интересам своей монархии и отечества".

Воронцов старался отстранять причины неудовольствия Елисаветы на Фридриха II. Одной из причин неудовольствия был отказ Фридриха отдать русских солдат-великанов, присланных отцу его прежними правительствами. Воронцов внушал Финкенштейну, что если Фридрих возвратит несколько из них в Россию, то нет сомнения, что это произведет самое полезное впечатление в мыслях императрицы; он, Воронцов, знает наверное, что это дело представлено ей с религиозной точки зрения и всякий день толкуют ей об этом, чтоб раздражить ее против прусского короля. Воронцов в разговорах с Финкенштейном укорял Бестужева, что тот посылкою тридцатитысячного корпуса вовлекал Россию в европейские замешательства. Бестужев по этому случаю замечает: "Ее и. в-ства слава и интересы требуют в европейские дела мешаться. Петр Великий столько о том старался, что помощный корпус на своем собственном иждивении отправить рад был бы. Инако же разве турками или персианами быть запертыми в своих границах? Пример тому недавно сделался, что когда король прусский в чужие дела вмешался, а с здешней стороны никакого движения против того чинено не было, то он до такой силы дошел, что подлинно наиопаснейшим соседом есть".

В конце марта месяца Финкенштейн доносил своему двору об опасной грудной болезни генерал-прокурора князя Трубецкого, прибавляя: "Смерть князя Трубецкого подлинно была бы великая потеря, и канцлер избавился бы от самого опасного неприятеля, какого он в здешней земле когда-либо имел. Графы Лесток и Воронцов, которые связаны с ним дружбою, очень беспокоятся". Бестужев заметил: "Из сего ее имп. величество усмотреть изволит, в каких людях сия шайка состоит".

Бестужева очень обрадовала депеша Финкенштейна от 23 июля, из которой оказалось, что Воронцов получает пенсию от прусского двора. Финкенштейн писал королю: "Так как срок пенсии, которую вашему величеству угодно жаловать важному приятелю, истек 1 сентября прошлого года, то я считаю долгом испросить приказаний вашего величества относительно ее, тем более что приятель, не называя вещь ее именем, однако, дал мне знать, что надеется на продолжение к нему милостей вашего величества. Я должен также прибавить, что хотя настоящее положение дел не дает ему возможности быть полезным в той же степени, в какой он был прежде, однако он продолжает быть одинаково благонамерен и сообщать мне от времени до времени то, что, по его мнению, может быть полезно службе вашего величества". Бестужев замечает: "Христос во евангелие глаголет, не может раб двума госнодинома работати, богу и мамоне; а между тем из сего видно, что сия сумма еще прежде бытности его в Берлине знатно чрез Мардефельда назначена. Сие же теперь толь больше вероятности подает подаванным от казенного в Пруссии тайного советника Фербера к полковнику Виттингу

известиям, которых оригиналы из коллегии скрадены, и тому письменному известию, каково камергер Чоглоков при проезде своем чрез Берлин от бывшего там секретаря Лоренца получил, а именно что вице-канцлер сообщил королю прусскому из Дрездена о плане саксонцев; король прусский их предупредил и тем Саксонию разорил".

В конце августа Лесток дал знать Финкенштейну, что императрица сильно раздражена против морских держав, говорила, что, по-видимому, хотят уничтожить ее войска; но впрочем, венский двор не перестает быть любимым двором. Уведомляя об этом, Финкенштейн писал королю: "Выходит из этих слов, что возникло охлаждение между русским двором и морскими державами, которым благонамеренные могли бы воспользоваться, если б они имели мужество и способны были к деятельности. Говорят сильнее прежнего о путешествии в Москву. Канцлер, впрочем, еще не отчаивается отклонить его и сильно хлопчет об этом под рукою". Бестужев замечает: "Ее импер. величеству лучше известно, изволила ли такие разговоры при Лестоке держать; но преступление его в том равно, лгал ли он на ее величество или верный рапорт делал министру короля прусского. Ее императ. величество из прежних писем уже усмотреть изволила, что Лесток советовал, чтоб ни министра ее величества на конгресс не допускать, ни же России в мирный трактат не включать".

Вслед за тем Финкенштейн писал: "Я внушил обоим приятелям, что такое положение дел в соединении с раздражением императрицы мне кажется благоприятным случаем, которого не должно упускать, что именно теперь надобно раскрыть пред императрицею недостойное поведение ее первого министра, что затруднения, которые делают России в Ахене, чтоб не допустить ее до участия в деле умиротворения Европы, и печальное состояние русского войска доставляют страшные доказательства против канцлера и можно сделать эти представления так, что тщеславие императрицы не будет затронуто, ибо она, быть может, сочтет делом своей чести поддерживать и ложные меры своего министра: надобно ей внушить, что величайшие государи имели иногда несчастье быть обманутыми безо всякой вины со своей стороны; надобно напомнить ей пример родного отца, который, несмотря на свой гений и всю свою деятельность, часто находился в таком положении и избавлялся из него посредством розысков и примерных наказаний, и тем не менее он считался во всей Европе государем мудрым, правосудным, правителем самостоятельным. Важный приятель, казалось, принял мои внушения и сказал, что не преминет воспользоваться ими при первом удобном случае; но в то же самое время я нашел его в таком душевном расслаблении вследствие обхождения с ним императрицы, что я не могу много на него рассчитывать, если только государыня сама не сделает первого шага. Я был более доволен графом Лестоком, который решился объяснить с императрицею при первом случае. Я говорил им также о поездке в Москву, на которую я смотрю как на проделку партии; я их уговорил приложить свое старание при этом и

надеюсь, что они успеют, потому что императрица страстно желает этой поездки".

Не известно, объяснился ли Лесток с императрицею; известно только, что в ноябре он был арестован, и ему предложены были следующие допросные пункты: 1) зачем водил компании со шведским и прусским послами? 2) От богомерзкого человека Шетардия табакерки к тебе присланы, и именно написано было, чтобы оные герою отдать: ты, ведая, кому он сие имя давал (Елисавете) и будучи сие уже по высылке его отсюда учинено, то сие от него дерзостно сделано, а ты, как присяжный человек, такую ли верность к государю своему имеешь, что о сем утаил? Любя Шетардия, такого плута на государя своего променял! Не мог ли ты себе представить, что ежели б и партикулярной даме, в ссоре находящейся, кто-либо подарок прислал, то оный ни от кого принят быть не может, кольми же паче чести ее величества предосудительно. 3) Ты в некоторое время ее имп. величеству самой говорил, что ежели б де принцесса цербстская послушала твоих и Брюммеровых советов, то б она великого князя за нос водила: так объяви, в чем советы твои состояли? 4) Ты хочешь переменить нынешнее царствование, ибо советуешься с министрами шведским и прусским, а они ко дворам своим писали, что здешнее правление на таком основании, как теперь, долго оставаться не может. 5) Финкенштейн писал, что для произведения перемены удобным случаем была б ссора между императрицею и великим князем: не учинено ли от тебя каких откровений? 6) В тех же письмах усмотрено, что генерал-прокурор князь Трубецкой главным сообщником всех твоих злодейских замыслов был, да и то еще об нем упомянуто, что в случае воспоследуемого происшествия перемены он таким между твоею шайкою признается, который в состоянии теми приятелями предводительствовать, кои теперь в спячке находятся, а тогда все восстанут. 7) Ты сам Финкенштейну говорил, что тебе с вице-канцлером удалось тайного советника Веселовского на свою сторону преклонить, так что он, учиня тебе весьма много откровений, и отстать не может. 8) Во время негоциации с морскими державами о перепущении им помощного корпуса ты старался все тайности у вице-канцлера сведать и о всем Финкенштейну пересказывал; уже доказано, что и сам вице-канцлер прусскому министру такие открытия чинил, с тобою же был в тесной дружбе. 9) Шапизо (капитан Ингерманландского полка, племянник Лестока) показал, что ты чрез Мардефельда от короля прусского 10000 рублей получил. Лесток ни в чем не признался; его сослали в Углич.

Падение Лестока произвело сильное впечатление при иностранных дворах; оно показывало несокрушимую силу Бестужева, показывало, следовательно, и будущее направление русской политики после важного события в Западной Европе, замирения ее на Ахенском конгрессе.

10 мая в Петербург съехались к канцлеру австрийский посол барон Бретлак, английский лорд Гиндфорд, голландский посланник Шварц, и Бретлак жаловался на медленность князя Репнина, который в Гродне

напрасно жил три недели, а 13 апреля был не далее местечка Гуры. Князь Репнин, будучи болен, нарочно задерживает войска из одного желания все их вместе самому показать императору и императрице римским. По словам Бретлака. он получил от своего двора выговор, ибо твердо обнадежил, что русские войска в исходе апреля вступят в австрийские владения: теперь же, как по всему видно, они прежде июня туда не придут. Гиндфорд и Шварц жаловались еще сильнее, представляя, что французы, зная о медленном движении русского войска, которое потому в нынешнюю кампанию не может сделать им большого вреда, без малейшего опасения устремляют все свои силы против союзников, отчего общее дело очень страдает. Чернышев доносил из Лондона, что как при дворе, так и в народе главным предметом разговора служат движения русского вспомогательного корпуса. вычисляют, по скольку миль он должен делать в день и когда придет к месту назначения.

Но движение этого корпуса способствовало только скорейшему заключению мира, переговоры о котором уже начаты были в Ахене. В апреле Чернышев уведомил о заключении прелиминарных статей, по которым воюющие державы обязывались возратить друг другу все завоевания; прусскому королю была гарантирована Силезия; Франция признавала императором германским мужа Марии Терезии. Английское министерство жаловалось Чернышеву, что Англия принуждена заключить этот мир вследствие дурного действия своих союзников, Австрии и Голландии, что король не иначе смотрит на него как на вынужденный силою и потому намерен остаться непоколебимым в своей прежней системе, т.е. находиться в теснейшей дружбе со своими собственными союзниками, особенно с русским двором; в знак чего велел отослать к графу Гиндфорду копию с прелиминарных статей и всех пьес, относящихся к мирным переговорам, для представления императрице с уверением, что король в точности исполнит все обязательства. Чернышев получил также уверение, что английское правительство не намерено вступать ни в какие теснейшие обязательства с королем прусским. Но в конвенции о перепущении русского войска было внесено условие, что в случае мирных переговоров Россия принимает в них участие, почему теперь Чернышев потребовал, чтоб русский министр был допущен на Ахенский конгресс или по крайней мере Россия была включена в окончательный трактат, дабы не испытать какой-нибудь мести со стороны держав, против которых она подала помощь своим союзникам. Чернышеву отвечали, что английский уполномоченный на конгрессе граф Сандвич предложил об этом, но получил решительный отказ со стороны французского уполномоченного графа Сан-Северина и потому Англия, нуждаясь в скорейшем заключении мира, не может более настаивать ни на допущение русского министра на конгресс, ни на включение России в окончательный договор. Но если императрица пожелает, то Англия употребит все свое старание, чтоб Россия была приглашена приступить к окончательному договору после его заключения; притом Англия обязывается не входить с Австриею и Голландиею ни в какие теснейшие союзы без предварительного сношения

и согласия с русским двором. Князю Репнину, находившемуся в Элберфельде, послано было требование, чтоб немедленно возвращался назад, ибо под этим условием французы обязывались вывести из Брабанта 35000 своего войска. Но не князь Репнин привел назад русское войско: он умер 30 июля, и начальство над корпусом принял генерал-поручик Ливен.

В октябре между Чернышевым и английским министром герцогом Ньюкестлем были разговоры об Австрии по поводу столкновений ее с сардинским двором. Ньюкестль обвинял венский двор в неполитичности его действий, настаивал, что необходимо шадить сардинский двор, ибо иначе он передастся на сторону Франции; Чернышев защищал венский двор, ибо враждебность отношений к Пруссии заставляла в Петербурге поддерживать австрийские интересы во что бы то ни стало. Ньюкестль говорил, что поведение венского двора может нарушить настоящую систему и равновесие Европы; Чернышев возражал, что Австрия неоспоримо более в состоянии поддержать европейское равновесие, чем Сардинское королевство, и Ньюкестль должен был с этим согласиться, хотя продолжал выражать раздражение против Австрии.

В Вене раздражение против Англии было еще сильнее. Ланчинский еще от 30 марта сообщил своему двору о словах канцлера Улефельда, что относительно примирения Англия, кажется, благоприятствует Пруссии и что есть намерение заключить мир на одних проторях Австрии. И в апреле Улефельд пел ту же песню, жаловался на англичан, что слишком поздно заключили конвенцию с Россиено, говорил, что не заключили бы и этой конвенции, если бы не штатгалтер голландский принц Оранский, утверждал, что англичане непременно хотят ввести на конгресс прусского уполномоченного. В мае Улефельд, говоря об ахенских прелиминариях, объявил, что они чрезвычайно странны и заручены Англиею, Франциею и Голландиею в предосуждение венскому двору, которому в Италии очень мало остается; Силезия гарантируется прусскому королю, которого англичане и голландцы стараются усилить на помощь себе впредь. "Вашему и нашему двору, - говорил канцлер, - ненадобно надеяться ни на Англию, ни на Голландию и ни на какую другую державу, но твердо держаться вместе: у нас одни интересы и наши системы всех других постояннее". Но теперь при таком смутном положении дел посылается указ графу Кауницу в Ахен, чтобы подписал прелиминарии. В июне Улефельд уже толковал, что теперь необходимо стараться не только не допускать прусского короля до теснейшего соединения с Франциею, но всячески их разделять. Английские министры, говорил канцлер, объявляют другое несостоятельное мнение, что России надобно соединиться с Англиею, Пруссиию и здешним двором против Франции; но на самом деле они хотят принести нас в жертву и усилить прусского короля. Они хотят удержать субсидию, чтоб наше войско в Нидерландах голодом поморить. Нашим постоянным неприятелям, французам, мы обязаны тем, что прусского министра на конгресс не допускают. В Вене употребляли все средства, чтоб вооружить Россию против Пруссии, рассказывали Ланчинскому, что

Фридрих II хочет принять католицизм для получения императорской короны, что имеет виды на Польшу; в то же время внушали, что Россия не должна настаивать на допущении своего министра на Ахенский конгресс, ибо в таком случае Англия будет настаивать на допущении прусского министра. Улефельд продолжал бранить англичан: "Не только противности, но и неучтивости их к нашему двору умножаются; и с нами-то не за что так поступать, а русские вспомогательные войска чем провинились? Для чего так странно отсылаются, не дождавшись решения их императрицы? Смехотворно объявляют, что Франция требовала их отсылки, обещая отпустить и со своей стороны такое же число войска; но французам возвращаться близко, а русским полкам 300 миль идти надобно без отдыха. На то не обратили внимания, что одно движение этих войск заставило Францию спешить с прелиминариями, если же англичане приняли эти прелиминарии себе без пользы и нам ко вреду, то русские войска к тому причины не подали".

В Дрездене Мих. Петр. Бестужева прежде всего занимал вопрос о проходе русского вспомогательного отряда через Польшу. В марте граф Брюль сообщил ему, что перенято письмо французского резидента Кастера, из которого видно, что он пишет к польским магнатам и великому гетману, как бесчестно и стыдно, что дозволяется пропуск чужим войскам через Польшу. Король очень рассердился, и решено жаловаться французскому двору на Кастера. В апреле Бестужев писал императрице, что в Польше довольны дисциплиною и исправным платежом проходившего через нее репнинского корпуса; но так как на будущем сейме без крику и шуму против прохода русских войск не обойдется, то надобно прислать к сейму несколько денег и мягкой рухляди для успокоения этих криков. Надобно было ожидать на сейме поднятия и другого неприятного для России вопроса - курляндского, предвиделось, что поляки потребуют или освобождения Бирона и его сыновей, или объявления герцогского престола праздным и выборов на него; Мориц Саксонский, прославившийся как маршал французской службы, не переставал называться герцогом курляндским, и носились слухи, что он сам приедет в Польшу к сейму. По всем этим обстоятельствам Бестужев представлял своему двору необходимость разорвать сейм, а для этого надобились деньги и мягкая рухлядь. По этому представлению переслано было в Польшу для сейма 11000 рублей деньгами.

Касательно Саксонии Бестужев должен был хлопотать о том, чтоб она приступила к союзу, заключенному между Россиею и Австриею. На предложение со стороны Бестужева Брюль отвечал, что это дело великой важности, ибо Саксония, будучи окружена владениями короля прусского, первая подвергается его нападению, как в последнюю войну и случилось: за исполнение обязательств Варшавского трактата король подвергся великой опасности, почти вся Саксония была завоевана и разорена и не получила ниоткуда ни помощи, ни вознаграждения за понесенные убытки. Поэтому желательно, чтоб здешнему двору были показаны безопасность и

выгоды; а без того его величество приступление к договору не находит согласным со своими интересами; наконец, между Россиею, Австриею и Саксониею и без того существуют союзные договоры.

Осенью начался сейм в Варшаве. 8 октября Бестужев писал: "Двор продолжает желать, чтоб сейм состоялся; князья Чарторыйские в угодность королю, особенно же для показания своей силы в Речи Посполитой, стараются об этом всеми средствами и почти никого противников себе не находят. Правда, воевода сендомирский Тарло, как богатейший здесь после князей Чарторыйских, мог бы им противиться, но его, как человека корыстолюбивого, король каким-нибудь обещанием может задобрить, а великий гетман коронный (Потоцкий) так устарел и одряхлел, что уже и себя почти не помнит, так что теперь сейм состоит совершенно из креатур Чарторыйских. Великий гетман литовский князь Радзивил просил меня, чтоб я вашему имп. величеству засвидетельствовал о его доброжелательности и усердии к русским интересам, и притом ко мне отзывался, что хотя он с князьями Чарторыйскими и в дружбе находится, однако неохотно может видеть, чтоб они приходили в большую силу; и я сам усматриваю, что у главных магнатов к фамилии Чарторыйских большая зависть, да и правда, эти князья вместе с воеводою мазовецким Понятовским многих из них умнее и в делах гораздо поворотливее и расторопнее".

9 октября после обеда королевского, к которому был приглашен и Бестужев, Брюль подошел к нему и как бы шутя сказал, что король желает, совершения сейма, а слышно, что он, Бестужев, хочет противного и не имеет ли он об этом указа императрицы? Бестужев признается, что был смущен этими словами, но принял также шутливый тон и отвечал, что указа нет и никому никаких внушений о том не сделано. После этого Брюль попросил его приехать к нему на другой день, чтоб переговорить серьезнее и обстоятельнее. На другой день Брюль начал разговор просьбою, чтоб Бестужев прямо и откровенно объявил, есть ли у него указ императрицы разорвать сейм, ибо если так, то король и трудов своих употреблять не станет, зная, что императрица по своему кредиту в Польше и посредством денег не допустит сейма до окончания, хотя король и желал бы противного единственно для чести и для утверждения своего кредита в Польше, что императрице может быть не только не противно, но по общим интересам и приятно, и если б она прислала указ о разорвании сейма, то это было бы поступлено несоюзнически.

Бестужев отвечал, что точного указа не имеет, но, слыша, что в Посольской избе раздаются крики о курляндском деле, за которым сюда и депутаты присланы, считает своею обязанностью и без указа разорвать сейм, чтоб не было внесено в конституцию чего-нибудь противного русским интересам; впрочем, до сих пор не сделал еще ни одного шага и ни с кем из своих друзей не изъяснялся, и потому подозрения Брюля напрасны. Что же касается до желания короля о завершении сейма, то он до сих пор ничего

об этом не знал, а теперь, когда ему королевское намерение объявляется, то оно императрице нимало противно быть не может, лишь бы только в конституцию не было внесено ничего противного русским интересам. Разговор кончился тем, что Брюль дал слово не вносить ничего о курляндском деле в конституцию, лишь бы императрица со временем покончила это дело, и Бестужев известил свой двор, что в сеймовые дела больше мешаться не будет, вследствие чего 10000 рублей останутся в казне. Сейм расплылся и без русских денег. Говорили, что причиною этому были французские и прусские интриги, но Бестужев писал, что чужих интриг не было, а были интриги завистников фамилии князей Чарторыйских, усиления которых не хотят допустить. Литовский гетман Радзивил, приехавши к Бестужеву проститься, просил его от имени всей Литвы уверить императрицу в истинной преданности и в том, что Литва в случае какого-нибудь происшествия полагает надежду на помощь России, при этом жаловался он на Чарторыйских, что поступают деспотически, что сношения двора с домом Чарторыйских во время последнего сейма клонились к тому, чтоб на сеймах вести решение дел по большинству голосов, а *liberum veto* уничтожить. "От этого, - говорил Радзивил, - вольность республики была бы истреблена вконец, и я скорее дам себя на части изрубить, чем позволю на введение такой вредной новости". Бестужев извещал, что этот замысел Чарторыйских увеличил число их врагов, поднял против них Радзивилов, Огинских, Сапег, Сангушек, Потоцких, Тарлов; великий канцлер коронный Малаховский показывает им только вид приязни, негодуя, что двор доверяет им более, чем кому-либо другому. Бестужев внушал своему двору, что введение большинства голосов на польских сеймах будет вредно русским интересам.

Прусский двор во время движения русского вспомогательного корпуса и во время ахенских переговоров хранил глубокое молчание. В Швеции в апреле месяце Корф был сменен действительным камергером Никитою Ив. Паниным. Новый посланник должен был начать свои донесения печальными известиями о состоянии королевского здоровья. "Хотя жизнь его величества и не пресечется, - писал Панин в мае, - однако по причине старости и невоздержания час смерти не может быть далек, и бдительная французская партия давно уже принимает свои меры; кронпринц почти ежедневно присутствует в Сенате, куда преданные Франции сенаторы приезжают постоянно, носящие же имя патриотов - очень редко. Эти патриоты здраво судят о дурных последствиях смерти королевской, но плохая надежда, чтоб они могли принять какие-нибудь меры, все единогласно признают слабость и трусость своих единомышленников; один из них, Вормгольц, откровенно сказал мне, что их партия без помощи посторонней державы не двинется".

В письме к канцлеру Панин изложил свое мнение, как России надобно действовать после смерти королевской. Она должна иметь в виду три задачи: 1) не допустить до установления самодержавия; 2) низвергнуть настоящее министерство; 3) возведением на места прежних министров

добрых патриотов связать руки у молодого двора. Достигнуть этих целей посредством старой русской партии (колпаков) нельзя; надобно из французской партии выбрать сильного человека и склонить на свою сторону. Действовать в полном согласии с Даниею по единству интересов и подкрепить сейм оружием, раздача же денег никакой пользы не принесет. Королевская болезнь затянулась надолго. Панин требовал, чтоб решительные меры, именно вооруженное вмешательство, были приняты прежде смерти королевской, ибо после будет уже поздно; он настаивал на том, что Швеция решительно не в состоянии сопротивляться нападению с двух сторон - русской и датской.

19 октября в Петербурге был написан Панину секретный рескрипт: "Усмотря из разных ваших доношений несумненные доказательства старательствами проискал покровительствующей в Швеции француско-прусской партии о введении, по преставлении его величества шведского, самодержавства, мы, по неутомленному нашему о благе и целости нашей империи и об отвращении всего того, еже интересам оной вредительно быть может, всегда имеющему попечению, уже пред давным временем канцлеру нашему поручили с пребывающим при нашем дворе датским министром Шезом о таком важном и до обоих государств равно существенно касающемся предмете потребные сношения иметь, дабы такой предосудительный оной шайки замысел соединенными силами в ничто обратить и тем покой в севере постоянным и надежным учинить. И мы на верность и искусство ваше полагаемся, что вы сию деликатную материю с надежнейшими из патриотов так тайно трактовать будете, что о том ничего наружу не выйдет". Но Дания медлила, и Панин был недоволен министром ее в Стокгольме Винтом. Последний открыл ему, что он уведомлен от своего двора о сношениях России с Даниею по поводу шведских дел и получил указ поступать с ним, Паниным, откровенно и ободрять шведских патриотов. Панин с своей стороны открыл ему только то, что датский министр в Петербурге предложил принять общие меры против восстановления самодержавия в Швеции и что он, Панин, будет обнадеживать патриотов в сохранении их свободы как от имени императрицы, так и от имени короля датского, но в дальнейшие изъяснения с ним не вошел, "потому что, - писал Панин, - до сих пор от него ничего сходного с его инструкциями не вижу; это такой человек, что свои забавы и спокойствие предпочитает делам".

7 ноября Панин был приглашен наследным принцем, который начал ему говорить: "По окончании несчастной войны у Швеции с Россию недоброжелательные обоим дворам люди постарались против меня лично вооружить ее импер. величество и внушить подозрения, будто я во время европейской смуты вместе с шведским народом действовал вопреки интересам ее величества и даже прямо принял неприятельские меры против России. Я боюсь, чтобы эти подозрения рано или поздно не причинили горести моему отечеству и чтоб я не был первою причиною несчастья. Так как теперь вследствие общего замирения Европы несправедливость таких

подозрений сама собою оказывается, то я прошу вас дружески донести императрице о моей истинной преданности и высокопочитании, уверить, что я почел бы себя за неблагодарнейшего человека в мире, если бы когда-нибудь забыл милости и благодеяния ее величества". "Эта штука внушена Тессинном, - писал Панин, - он заставил принца свою *vataгу* шведскую нацию назвать и свои действия вымышленными будто от неприятелей. Что за вздор - общим замирением доказывать свои добрые намерения относительно России и ставить себе в заслугу свою невозможность действовать прямо против нее! Я отвечал, что о подозрениях, о каких он изволил упоминать, никаких сведений не имею". Панин приписывал эти заявления принца страху перед движением русских в Финляндии и датских в Норвегии, тем более что Тессин рассыпался пред ним в ласкательствах. Дело дошло до того, что Тессин издалека через других стал внушать Панину, что ему нетрудно будет французские интересы принести в жертву русским. Панину пришла в голову мысль, что между Тессинном и другими членами французской партии должен быть разлад, и потому России можно употребить Тессина орудием для достижения своих целей. Он выразался на этот счет так: "Питая в Тессине надежду успеха, не невозможно найдется ныне господствующую партию разделить надвое и тем Тессина с молодым двором в брани и битве с своими упражняемыми учинить, еже несказанно мудрому предприятию вашего импер. величества для перемены здешних дел поспешествовать может, ибо во время того действия оный Тессин достаточную лозою служить может, которая обычайно после наказания других в огонь ввергается". По мнению Панина, даже и в том случае, если б все эти улаживания имели целью отвлечь Россию от Дании, то и тогда следовало пока держать шведов между страхом и надеждою и тем выиграть поболее времени, ибо наставшая зимняя пора неудобна для военных действий и нельзя надеяться, чтобы датское войско могло получить этою зимою значительный успех, ибо не имеет магазинов.

Таким образом, кронпринц и его, или так называемая французская, партия, достигнувшая своими жалобами в Петербурге отозвания Корфа, ничего не выиграли, получив на его место Панина. Корф отправился на свое прежнее место в Копенгаген склонять Данию действовать заодно с Россиею.

16 декабря отправлен был к нему рескрипт: "Мы наперед обнадежены пребываем, что его величество король чиненные ему с нашей стороны толь откровенные авансы с предварительным сообщением о нашей в Швеции чинимой декларации и о сделанных уже действительно в Финляндии распоряжениях за удостоверительные опыты нашей союзнической и истинной дружбы купно с тою надобностью, чтоб оным равным образом чрез откровенное объявление его при том имеющих сентиментов соответствовать, совершенно признает, следовательно же, далее и не отречется чрез своего министра Шеца у нас первые предложения учинить и его достаточными инструкциями к неотлагательному заключению формальной конвенции снабдить повелеть, дабы сие зело важное дело, в совершении которого, в рассуждении зело слабого состояния здоровья

короля шведского, ни единого часу упускать более не должно, без дальнего отлагательства к совершенному состоятельству приведено было. Польза же, которая датскому двору при сем произрастет, видится гораздо вящей важности быть, нежели для нас, ибо мы, как упомянуто, ничего более, как ненарушимое сохранение тишины в севере, не желая притом чего-либо завоевать, предметом имеем; напротив же того, оному двору насчет Швеции охотно некоторые авантажи дозволяем".

И относительно других дворов произошли перемещения русских министров: граф Мих. Петр. Бестужев-Рюмин из Дрездена переместился в Вену; на его место в Дрезден назначен Кейзерлинг из Берлина; на место Кейзерлинга переведен в Берлин Гросс из Парижа. В Париж не назначен никто, потому что охлаждение между Россией и Франциею достигло высшей степени вследствие перепущения русского вспомогательного корпуса морским державам для действия против Франции. Дальон был отозван еще в конце 1747 года, но так как его отъезду было дано значение временное, то Гросса немедленно не отзывали и он должен был выслушивать неприятные выходки от заведовавшего иностранными делами маркиза Пюизие. "Такой великой державе, как Россия, - говорил маркиз, - неприлично свое войско за деньги отдавать другим державам; приличнее было бы ей прямо объявить войну против Франции". Гросс получил из Петербурга приказание "При всяком таком случае разговоров продолжительно доказывать, что сия нашим союзникам чинимая помощь никому в обиду причтена быть не может, да и мы в том никому же отчета давать не обязаны". Год проходил, но французское правительство ни кого не назначало в Петербург на место Дальона, и 9 декабря императрица подписала Гроссу рескрипт, в котором приказывала ему немедленно выехать из Франции:

"Мы из разных реляций ваших усмотрели, - говорилось в рескрипте, - что маркиз Пюизие в некоторый реванш за отправленные нами к обеим морским державам 30000 человек войска отзыв от нашего двора французского министра Дальона почитал, оказывая притом, что король его - государь и совсем не намерен кого-либо другого на место его к нам прислать. Сверх же того, по поводу помянутого перепущения наших войск весьма неприятные и всевысочайшему нашему достоинству предосудительные разговоры вам держаны. И яко нам вкорененное французскому двору к нашей императрице недоброжелательство и произведенные издревле при разных дворах да при самой Оттоманской Порте нам предосудительные происки и возмущения, которые по приобретенной Франциею несправедливыми и богомерзкими войнами в свете знатности от большей части и успех получают, довольно известны, мы же для обессиления такой знатной инфлюенции лучших способов не изобрели, как верным и натуральным нашим союзникам посторонним образом против оной державы сильно вспомогать, чрез который способ наконец и пожеланный мир в Европе восстановлен. Тако мы, как в рассуждении того, что французский двор причиненною посылкою наших

войск препятствия прогрессом оружия оно, нам не скоро позабыть может, так и для неподания о нас в свете мнения, яко бы сия корона столько нам надобна, что мы и собственную всевысочайшую нашу честь из глаз выпускаем, оставляя вас тамо, невзирая на то что при нашем дворе французского министра не находится и что хотя, почитай, ко всем другим новые послы и министры назначиваются, а о нас не помышляется, за весьма нужно изобрели вам повелеть, чтоб вы оттуда со всеми у вас находящимися канцелярскими делами, как скоро токмо собратся можете, в Гагу под таким претекстом выехали, что вы по прошению вашему о распоряжении некоторых домашних дел в отечестве вашем всевысочайшее от нас позволение получили".

Желанный мир был восстановлен, и, по общему признанию, одною из причин его ускорения было движение русского войска к Рейну. Таким образом, уже в третий раз движение русского войска останавливало завоевательные замыслы, сдерживало победителя, вело к миру в Европе: появление русского войска на Рейне повело к Венскому миру, окончившему войну за польское наследство; движение русского войска в 1745 году заставило Фридриха II ускорить Дрезденским миром, и, наконец, последнее движение репнинского корпуса заставило спешить ахенскими переговорами. Новое могущество, появившееся на Востоке с начала века, оказывало свое влияние на европейские дела новым, особенным образом; политическое равновесие получало для себя сильное ручательство.

Дело кончилось, по-видимому, страшным раздражением между Россиею и Франциею, заставившим их прекратить дипломатические сношения. Но это раздражение России против старой Франции было последнее. Старая Франция теряла свою силу и вовсе не была так опасна, что ясно сказалось при окончании войны за австрийское наследство: с какими надеждами вступила в нее Франция? С надеждами окончательно низложить, раздробить Австрию, после чего вся Германия представляла бы ряд мелких, слабых государств, подчиненных влиянию Франции. Но сбылись ли эти надежды? Нисколько. Австрийские владения не раздробились; но дело было не в Австрии: в Германии явилась держава гораздо опаснее Австрии; Франция вела войну для Пруссии, ибо одна Пруссия воспользовалась войною, одна усилилась, одна приобрела от Австрии богатую область, потерю которой Австрия не могла забыть; конец войны должен был убедить Францию в том, в чем русские государственные люди были давно уже убеждены: они были убеждены в том, что Пруссия опаснее Франции. Франция должна была убедиться, что для нее Пруссия опаснее Австрии: в этом убеждении, естественном и необходимом, лежала главная причина перемены старых вековых отношений, которая была следствием войны за австрийское наследство и причиною Семилетней войны.

Но пока вся Европа замирилась, и Елисавета стала приготавливаться к своей любимой поездке, поездке в Москву. Мы видели, что вопрос об этой поездке стал вопросом партии, Бестужев вы ставил сильное сопротивление,

указывая на необходимость оставаться двору в Петербурге ввиду шведских событий, в которых не преминут принять участие Пруссия и Франция. Канцлер основывался на депешах Панина, который настаивал на том же, указывая, как обрадовалась в Стокгольме французская партия при известии об отъезде русской императрицы в Москву. Но сопротивление Бестужева заставляло противников его тем сильнее утверждать Елисавету в ее намерении ехать в Москву.

17 октября Сенат получил указ: в будущем декабре императрица едет в Москву и повелевает учинить наряд подводам, чтоб было на каждый стан по 725 подвод, в том числе ямских и градских - по 300, уездных - по 425. Для Сената, Синода и коллегий подводы нанимать вольные и что ненужное отправлять другими трактами; а чтобы за множеством проезда, за дороговизною кормов наемщики цен безмерно не возвышали, того ради отпуски партикулярным людям своих товаров до января месяца как здесь, так и в Москве велеть удержать, также расставленных по почтам в разных местах ямских лошадей, кроме московской отсюда дороги, велеть убавить на весь декабрь месяц. 15 декабря императрица выехала в Москву.